

Лексические и грамматические показатели эвиденциальности в сербском и других славянских языках¹

Людмила Попович

Резюме

В данной работе рассматриваются эвиденциальные маркеры в современном сербском языке, сравнительно с другими славянскими. Исходя из семантической модели категории эвиденциальности, предполагающей обязательные и факультативные параметры, в качестве первых рассматриваются языковые средства, указывающие на источник информации, тогда как к другим зачисляются показатели эпистемической установки говорящего относительно сообщаемого. На конкретных примерах иллюстрируется, что показатели ренарративной эвиденциальности могут выражать эпистемическую дистанцию только в случае указания на конкретный источник информации, в случае же передачи информации из неопределенного источника такие маркеры являются лексическими эвиденциалами. Особое внимание в статье посвящается анализу синтаксических показателей эвиденциальной стратегии. Описание сербских под-

1 Эта статья была представлена на: SRC-FFUB Joint Workshop on Serbian Linguistics: The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony and Typology, Hokkaido University, Sapporo, Japan, 1–7. 02. 2014. Данная работа выполнена в рамках проекта 178021 Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии.

чинительных союзов *да* ‘что,’ *како* ‘как’ и *што* ‘что’ показывает, что их употребление имплицитно определяет определенную эвиденциальную информацию. Анализ языкового материала подается на фоне сравнения с фактами в других славянских языках, подтверждающего предположение о том, что в отношении степени грамматикализации эвиденциальных значений сербский язык занимает промежуточное место между балканскими и другими славянскими языками.

Ключевые слова: сербский язык, эвиденциальность, славянские языки, лексические показатели, грамматические показатели.

1. Эвиденциальность как языковая категория

Эвиденциальность, как способность говорящего сообщать о реальном либо воображаемом факте и одновременно отсылать к источнику сообщаемой им информации, можем рассматривать в качестве понятийной и языковой категории. Понятийные категории, как известно, являются универсальными. Языковые категории специфические, так как они построены на оппозициях, действующих в рамках определенной языковой нормы (Lazard 2001: 364). Эвиденциальность как способность языка указывать на грамматическом, лексическом и прагматическом уровнях на источник информации и выражать эпистемическую дистанцию относительно сообщаемого привлекает внимание лингвистов в связи с описанием морфологических (Якобсон 1957) и, соответственно, модальных (Palmer 1986) показателей. Описание морфологических маркеров эвиденциальности во многих, типологически разных, языках мира сопровождается изучением их лексических аналогов в языках с отсутствующими грамматическими показателями (Chafe-Nichols (ред.) 1986; Willet 1988; Lazard 1999; Mushin 2001; Plungian 2001; Aikhenvald-Dixon (ред.) 2003; Aikhenvald 2004; Храковский 2005; (ред.) 2007; Wiemer 2005, 2006, 2006a, 2006b, 2010; Козинцева 1994, 2007; Макарецв 2014).

В славистике данная проблема известна с начала 20 века как особая черта болгарского языка — категория (отличная от наклонения) невосприятости действия (Трифонов 1905: 168–169). В современных описаниях болгарских эвиденциалов говорят о показателях

ренарратива, конклюдива и дубитатива (Ницолова 2007: 140). Эвиденциальные формы в рамках субкатегории собственной информации противопоставляются как немаркированные члены по признаку «засвидетельствованность» маркированным прошедшим временам индикатива (Ницолова 2007: 142–143). В научной литературе по данному вопросу также отмечается, что эвиденциальная система балканских славянских языков отличается синкретичностью выражения темпоральных и эвиденциальных значений (Friedman 1986, 2003). В связи с последним замечанием возникает вопрос: являются ли грамматикализованные эвиденциальные показатели менее весомыми сравнительно с чисто грамматическими маркерами? Где проходит черта между лексическими и грамматическими показателями (Anderson 1986; Mushin 2001; Diewald-Smirnova 2010)?

Сербский язык, принадлежащий к балканским в геополитическом смысле, с одной стороны, показывает тенденцию к эвиденциальной маркированности глагольных форм, если иметь в виду значение засвидетельствованности, приписываемое сербскому аористу и имперфекту (см. Пипер-Клајн 2013: 391–392), а с другой, подобно большинству европейских, в т.ч. славянских, языков, тяготеет к лексическому и синтаксическому выражению эвиденциальности, занимая таким образом промежуточное место между славянскими балканскими (Макарцев 2014) и остальными славянскими языками. Сербский перфект в связи с расширением сферы его функционирования, постепенно переходит в темпорально неопределенное прошедшее время, что сближает его с прошедшими неопределенными временами в македонском и болгарском языках. Нивелирование темпоральной ориентации в семантике перфекта ведет к развитию других, нетемпоральных, значений. Примером последнего могут послужить экспрессивно маркированные значения, наблюдаемые у сербского усеченного перфекта (Грицкат 1954; Танасић 2005; Пипер-Клајн 2013: 393).

2. Типы эвиденциальных значений

Изучению категории эвиденциальности в славянских языках именно под этим именем, как известно, предшествовала антологич-

ческая работа Романа Осиповича Якобсона *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол* (1948), в которой, в частности, указывалось, что грамматические категории глагола можно описывать с учетом следующих показателей:

- (1) сообщаемого факта: E_n (narrated event)
- (2) речевого факта: E_s (speech event)
- (3) участников события, о котором идет речь: P_n (participant of the narrative event) и участников речевого акта: P_s (participant of the speech event) (Jakobson 1971: 130).

Категории, которые необходимо описывать с учетом отношений между выделенными параметрами, Р.О. Якобсон называет коннекторами. В качестве коннекторной рассматривается, например, грамматическая категория времени, которая определяется, исходя из временного порядка между сообщаемым фактом и фактом сообщения — $E^n E^s$ (о.с.). Категории, которые можно определить в рамках одного параметра, например вид в славянских языках, осмысленный в рамках внутренних показателей действия, независимо от акта сообщения, определяются в цитируемой работе как десигнаты, в то время как категории, которые принято описывать с учетом акта сообщения (E^s) или его участников (P^s) (нпр. категорию лица) Р.О. Якобсон назвал шифтерами, заимствуя данный термин у Отто Есперсена (Jakobson 1971: 131).

Согласно с изложенным выше, категория эвиденциальности является коннекторной и шифтерной, так как она описывает событие (E^n) в момент речи (E^s) с учетом данных о получении говорящим сообщаемой информации из какого-то источника (E^{ns}).

Считается, что информацию можно получить посредством: 1) собственных наблюдений; 2) умозаключения; 3) другого сообщения (Willet 1988; Козинцева 1994; Aikhenvald 2004 и др.). Информацию, полученную путем непосредственного, прямого восприятия — визуального, слухового или другого сенсорного, принято характеризовать как первосигнальную, в отличие от второсигнальной, заснованной на обработке сенсорной информации с помощью различных мыслительных операций (см. Храковский 2007: 601). Пере-

дача информации, заснованной на личном опыте непосредственно в момент ее получения, по мнению исследователей, представляет собой особую *нулевую степень эвиденциальности* (Wiemer 2006б: 8).

Если говорящий не был непосредственным свидетелем сообщаемого им факта, но наблюдал симптомы, давшие ему основание сделать логический вывод (Козенцова 1994) о самом событии, такой тип эвиденциальности принято называть *инференциальной* (Auwera-Plungian 1998; Palmer 2001; Aikhenvald 2004) или *конклюдивной* — преимущественно в том случае, когда речь идет о соответствующей грамматической категории, как нпр. в болгарском языке (см. Макарецв 2014). Сообщение о факте, полученном из другого сообщения называют *ренарративностью* (Козинцева 2007), *репортативной эвиденциальностью* (Aikhenvald 2004) либо *преисказностью* — преисказным наклонением в болгарской грамматической традиции (см. Куцаров 1976, 1976а, 1976б, 1984).

Категория эвиденциальности зачастую отражает отношение говорящего к сообщаемому факту, его эпистемическую установку — полную *ассимилированность* сообщаемого факта в его сознании (Friedman 1986, 2003) либо *дистанцированность*, что ведет к большему или меньшему «накладыванию» эвиденциальных и модальных значений. Рассматривая соотношение эвиденциальности и эпистемической модальности, Талми Гивон указывает, что *накладывание* данных значений возможно только при *нейтральной степени достоверности* передаваемого сообщения, т.е. когда высказывание не содержит *эксплицитных знаков* самой высокой и самой низкой степени достоверности ситуации (Givon 1982). Когда речь идет о ренарративности, сообщаемый факт *переламаывается* через призму сознания участников обеих коммуникативных ситуаций — *первичной* (E^s) и *актуальной* (E^{ns}):

(1) (серб.) (Кажем:) На телевизију су јавили да је почела исплата пензије.

‘(Говорю:) По телевидению передали, что начали выплачивать пенсию.’

(2) (рус.) (Говорю:) По радио передали, что приближается циклон.

- (3) (болг.) (Каза:) (Казват, че) Петър дошъл.
'(Говорю:) (Говорят, что) Петр пришел.'

Сравнивая приведенные три примера ренарративной эвиденциальности в сербском, русском и болгарском языках (1–3), необходимо подчеркнуть, что глаголы речи, так называемые семантические примитивы, указывающие на факт актуальной коммуникативной ситуации, не принято эксплицировать во всех трех языках. Однако только в одном из них — болгарском, нет необходимости указывать на источник информации для того, чтобы понять, что таковым является сообщение, полученное говорящим «из других рук» (3), тогда как в сербском и русском языках такое указание при пересказе необходимо. В примерах (1–2) источником передаваемой информации является переданное СМИ сообщение.

Таким образом, при описании семантической категории эвиденциальности учитываются следующие параметры:

- сообщаемый факт (см. в примерах (1–3): *почела је исплата пензије; приближава се циклон; Петър дошъл*);

- факт получения информации из определенного источника (см. в примерах (1–2)): *на телевизији су јавили; по радио предали*; в языках с грамматикализованными показателями ренарративности, каковым является болгарский, данный параметр, как правило, не лексикализуется — *казват че* 'говорят' в приведенном примере (3) опускается, а ренарративное эвиденциальное значение передается с помощью специализированной синтетической формы — 3 л. неопределенного прошедшего времени (*л*-формы) без вспомогательного глагола: *дошъл* 'пришел';

- факт сообщения, актуальная коммуникативная ситуация, на которую в приведенных примерах (1–3) указывают *verba dicendi*, переходящие, как правило, в пресуппозицию — *кажем; говорю; каза*.

3. Семантическая структура категории эвиденциальности

Семантические параметры категории эвиденциальности можно рассматривать в качестве обязательных, без которых невозможно передать соответствующее значение, но и факультативных, каковыми являются показатели установки говорящего, его оценки степени достоверности сообщаемого факта.

В качестве обязательных параметров выделяем следующие:

- 1) актуальная коммуникативная ситуация (АС), которую составляют говорящий, адресат и сообщение;
- 2) реальная/воображаемая ситуация (С);
- 3) пропозиция (Проп), содержание которой (не)совпадает с реальной/воображаемой ситуацией (С);
- 4) источник информации о реальной/воображаемой ситуации (И).

Посмотрим, в какой способ лексикализуются данные параметры на примере передачи информации «из других рук» в сербском языке:

- (4) *Олга је наводно отпутовала.* — ‘Ольга, говорят, уехала.’
‘Я говорю (АС), что Ольга уехала (Проп). (Ольга (не)уехала (С)/. Источник информации (И) — неопределенный.’

В рамках последнего, и, с аспекта эвиденциальности, самого важного, параметра (И) возможно указание на личный либо чужой опыт в качестве источника информации о сообщаемом факте.

В качестве факультативных семантических параметров эвиденциальности выделяем следующие:

- 1) оценка степени вероятности пропозиции со стороны первичного источника информации, на пример:

- (5) *Тата сумња да ће Олга стићи да се врати на време.*
‘Папа сомневается, что Ольга успеет вернуться к праздникам.’

- 2) модальные показатели дистанцированности говорящего от общаемого им факта:
- (6) *Он је наводно положио испит.*
'Он якобы сдал экзамен.'
- 3) стремление говорящего повлиять на восприятие передаваемой им информации (убеждение собеседника в истинность/ложность передаваемой информации):
- (7) *Кунем се да сам све видео на своје очи.*
'Клянусь, что я все видел своими глазами.'

4. Лексические показатели ренарративности и дистанцированности говорящего

Выделение обязательных и факультативных семантических составляющих эвиденциальности дает возможность не только выделить языковые средства указания на источник информации, но и отличать их от элементов, принадлежащих сфере эпистемической модальности. Однако перечисленные параметры могут совмещаться в одном и том же показателе, а определению его конкретной функции — эвиденциальной либо эпистемической, способствует выделение разных типов конструкций.

В качестве примера вышеизложенного тезиса приведем анализ наречия *наводно* в сербском языке, происхождение которого указывает на первичность эвиденциальной семантики — *наводно* от глагола *наводити*, что значит 'цитировать.' Однако маркер *наводно* в сербском языке может указывать как на факт ренарративности, так и на сниженную достоверность информации. Для того чтобы разобраться о каком из значений — эвиденциальном либо эпистемическом, идет речь, необходимо рассмотреть данный маркер в высказываниях с разными источниками сообщаемой информации.

Вводное слово *наводно* указывает на недостоверность информации, если оно употребляется в высказывании, отсылающем к конкретному источнику информации:

- (8) *Иван је рекао да се **наводно** не сећа шта се тамо десило*
'Иван сказал, что он якобы не помнит, что случилось.'

Из примера (8) следует, что источник информации определенный (*Иван је рекао*), но говорящий занимает дистанцированную позицию относительно передаваемой информации, используя для этого эпистемический амплификатор *наводно*.

Если же данный маркер употребляется в предложении без указания на источник информации, его можно считать показателем ренарративности:

- (9) *Ивана **наводно** неће доћи.*
'Ивана, говорят, не придет.'

Сравним употребление маркера *наводно* в разных типах высказываний в дискурсе газетной статьи. В первом примере (10) данное слово функционирует в качестве показателя эпистемической дистанции, о чем свидетельствует указание на конкретный источник сообщаемой информации в том же высказывании:

- (10) ***Kako je javila južnokorejska agencija Jonhap, do sukoba je došlo kada je severnokorejski brod **navodno** prešao pomorsku granicu između dve zemlje,... a južnokorejski na to ispalio hice ...*** (*Blic*, 10.11.2009).

'Как передало южнокорейское агентство *Jonhap*, столкновение произошло, когда севернокорейский корабль якобы нарушил межкорейскую морскую границу,... а южнокорейское судно открыло огонь...'

В другом примере (11) то же слово является маркером косвенной информации, так как в нем нет указания на источник сообщения. Уже в следующем предложении, см. (11), данный источник указывается, что подтверждает факт наличия эвиденциального значения у маркера *наводно* в предыдущем предложении:

- (11) *Izrael navodno priprema napad na Iran. Izraelski mediji preneli su vest koju je objavio francuski list Ekspres da su izraelske vazduhoplovne snage izvele vojnu vežbu napada na Iran između Izraela i Gibraltara (Danas, 03.05.2009).*

‘Израиль (эвид.) готовит удар по Ирану. Израильские СМИ передали сообщение французской газеты «Экспресс» о том, что ВВС Израиля провели маневры с целью подготовки удара на Иран между Израилем и Гибралтаром.’

Данные примеры подтверждают, что лексический показатель эвиденциальности *navodno* ‘якобы’ в сербском языке является неспециализированным, то есть, в зависимости от контекста может выполнять функцию показателя ренарративности либо эпистемической установки (см. об этом также Поповић 2010, 2012). К подобному выводу относительно болгарского эвиденциала *navodno* приходят исследователи, выводящие его значение из дискурсивного контекста (Макарцев 2014).

Специализированными лексическими показателями ренарративной эвиденциальности в сербском языке, равно как и в других славянских и неславянских языках, можем считать конструкции с глаголами референциальной семантики (т.е. со значением сообщения). Речь идет о вводных конструкциях с эвиденциальными показателями конкретного источника информации, занимающего позицию субъекта при глаголах сообщения в функции предиката: *како* ‘как’ + *казати/рећи* ‘говорить/сказать’; *јављати/јавити, саопштавати/саопштити* ‘сообщить/сообщать’; *преносити/пренети* ‘передавать/передать’ и пр. + Nom:

- (12) *Како јављају руске информативне агенције, у Кијеву се одржава затворена ванредна седница парламента (Политика 2.03.2014).*

‘Как передают российские информационные агентства, в Киеве проходит закрытое внеочередное заседание парламента’

При указании на определенный источник информации регулярным является употребление эпистемических амплификаторов,

типа: *наводно* ‘якобы’; *чини се* ‘кажется’; *изгледа* ‘вероятно’; *тобож(е)* ‘будто (бы)’; *бајаги* ‘как будто (бы)’; *као* ‘вроде (бы)’ и пр., указывающих на дистанцию говорящего либо его оценку (эпистемическую или экспрессивную) сообщаемого:

(13) *Druge dve mame su se **tobož** divile dečjoj ambiciji i taminom smislu za organizaciju* (Press 11.11.2008).

‘Другие две мамы якобы восхищались амбициозностью ребенка и организационными способностями его матери.’

На определенный источник информации могут указывать и лексические эвиденциалы следующего типа: *према речима* ‘по словам’; *према мишљењу* ‘согласно мнению’ + Gen; *сагласно* ‘согласно’ + Dat; *у складу са* ‘согласно’ + Instr; *према* ‘по’ + Loc, *по* ‘по’ + Loc и пр.:

(14) *По њему не стоји ни аргумент адвоката да адвокати у Европи нису обухваћени фискализацијом* (Политика 11.11.2009).

‘По его словам/мнению, спорен аргумент адвокатов о том, что в Европе адвокаты не охвачены фискализацией.’

Лексические маркеры ренарративности могут указывать на неопределенный источник информации. В таких конструкциях, как правило, употребляются квазипассивные (обезличенные) глаголы референциальной семантики (см. подробнее в разделе 11) либо глаголы с аналогичным значением в форме 3-го л. мн.ч.: *прича се* ‘говорят’; *шушка се* ‘ползут слухи’; *прочуло се* ‘пошли слухи’; *кажу* ‘говорят’; *говоре* ‘говорят’; *веле* ‘говорят’ и пр.

(15) *Прича се да Руси долазе* (Зана)

‘Говорят, что русские идут.’

Если в предложении существует локативная конструкция, указывающая на место, откуда получена информация, перечисленные лексические показатели ренарративности могут указывать на обобщенный источник, например:

(16) *U najvećoj stranci u RS kažu da će Vladu Republike Srpske najvjerojatnije formirati stranke koje su je vodile u proteklih osam godina* (www.glassrpske.com).

‘В самой большой партии РС говорят, что в состав правительства Республики Сербии, вероятнее всего, войдут те партии, которые были у власти в течение последних восьми лет.’

Анализ лексических показателей ренарративности в сербском и других славянских языках проводился и раньше — в рамках описания категории имперцептивности. Термин имперцептивность принадлежит польским лингвистам, противопоставившим грамматическим показателям преисказности в болгарском и македонском языках лексические средства выражения ренарративности в польском (Korytkowska-Koseska-Toszeva 1993; Roszko 1993; Korytkowska-Roszko 1993; Korytkowska 1999). Имперцептивность в польском языке исследовалась сопоставительно — в сравнении с болгарским языком (Koseska-Toszeva-Mindak 1984), а также сравнительно с украинским и английским (Koseska-Toszeva-Kotsyba 2007; 2008). Имперцептивность в сербском языке сопоставлялась с фактами из украинского языка (Popović 1996; Поповић 2000), в результате чего было показано, что лексические маркеры имперцептивности в обоих языках ведут себя одинаково, т.е. их можно разделить на ренарративы с нейтральной эпистемической дистанцией и ярко выраженными показателями эпистемической установки относительно сообщаемого факта.

В работах, посвященных описанию семантической структуры эвиденциальности, имперцептивность рассматривается в качестве концептуального гермофродита (Wiemer 2006б: 18), в котором соединены черты двух разных категорий — эвиденциальности (передача информации, указание на (не)определенный источник информации) и эпистемической модальности — говорящий отказывается нести ответственность за сообщаемый им факт либо занимает определенную позицию относительно оценки истинности передаваемой им информации (Roszko 1993: 18).

5. Показатели нулевой эвиденциальности в сербском и других славянских языках

Исследуя грамматические показатели эвиденциальности во многих языках мира, Александра Айхенвальд определяет разницу между основными типами эвиденциальных маркеров с помощью семантических оппозиций: засвидетельствованная/ незасвидетельствованная информация; «из первых рук» — «из вторых рук»; сенсорная — инференциальная — пересказная; цитирование — сплетня и пр. (Aikhenvald 2004). В зависимости от источника информации варьируют грамматические и лексические показатели эвиденциальности (Plungian 2001; Aikhenvald 2004).

При так называемой нулевой степени эвиденциальности время реальной ситуации либо совпадает с моментом речи, либо непосредственно предшествует ему (Wiemer 2006б: 8). В сербском языке, как и в других славянских, глагол несовершенного вида, используемый для выражения актуальной длительности (17–18), а также глагол перцептивной семантики в форме повелительного наклонения (18–19) указывает на непосредственную наблюдаемость ситуации:

(17) *Киша почиње.* — ‘Дождь начинается.’ (единственная возможная ситуация - дождь уже начался).

(18) *Види! Пада снег!* — ‘Смотри! Снег идет.’

(19) ... *погляди в окно:/ Под голубыми небесами/Великолепными коврами,/ Блестя на солнце, снег лежит...* (А. Пушкин)

На факт нулевой эвиденциальности указывает и предикат в форме актуального настоящего в вопросительном предложении:

(20) *Ко то тамо пева?* — ‘Кто это там поет?’

(21) *Видиш ли дугу на небу?* — ‘Видишь радугу в небе?’

Во всех приведенных примерах реальная ситуация совпадает с пропозицией (С = Проп). Ситуация имеет место в действительности, воспринимается непосредственно в момент сообщения, а информация о ней истинна и принадлежит к первосигнальной системе (Храковский 2007: 60), поэтому в таких высказываниях нет места эпистемическим амплификаторам. Вводные слова и конструкции *по всему судећи* ‘судя по всему’; *очигледно* ‘очевидно’; *изгледа* ‘кажется’ и подобные другие звучат нелогично в процессе непосредственного наблюдения за ситуацией. Например, высказывание:

(22) *Очигледно пада снег* — ‘Очевидно идет снег.’

звучит алогично, когда говорящий и его собеседник находятся на улице под снегом. Однако вводное слово *изгледа* ‘кажется’ совершенно уместно в условиях одностороннего восприятия ситуации, когда говорящий наблюдает за ней, а собеседник, по какой-то причине, ее не регистрирует:

(23) *Изгледа почиње киша.* — ‘Кажется, дождь начинается.’

Вышеприведенное высказывание (23) можно произнести в ситуации, когда упало несколько капель воды, но говорящий не уверен, заметил ли это его собеседник. То же самое можно сказать и о примерах типа следующего (24), уместных в условиях неполноценного, вследствие разных причин, восприятия ситуации:

(24) *Види, изгледа неко долази.* — ‘Смотри, кажется, кто-то идет.’

Второсигнальная информация о сообщаемом факте может предшествовать ему, совпадать с ним либо следовать за ним во времени, тогда как первосигнальная всегда совпадает во времени и месте с сообщаемым фактом, в чем проявляется темпоральная действительность нулевой эвиденциальности.

6. Синтаксические показатели засвидетельствованности сообщаемого факта в сербском и других славянских языках

Если говорить о синтаксических показателях наблюдаемости, то распространенным маркером сообщения о непосредственно наблюдаемом факте является менее типичный, маркированный подчинительный союз, вводящий придаточную часть в предложение с предикатом восприятия (см. Aikhenvald 2004: 120–124). В сербском языке, подобно русскому (Barentsen 1996: 24) и другим славянским языкам, в паре подчинительных союзов — *ДА* ‘что’ и *КАКО* ‘как,’ отмеченным является последний. Данный союз при предикатах восприятия вводит изъяснительную часть, соотносимую с длительной ситуацией, которая, как будто, разворачивается перед глазами зрителя-говорящего. Его употребление естественно после глаголов целенаправленного восприятия, т.е. в парах глаголов типа *гледати* ‘смотреть’ и *видети* ‘видеть/увидеть,’ *слушати* ‘слушать’ и *чути* ‘слышать/услышать’ и пр. первые чаще присоединяют придаточное с союзом *КАКО* ‘как,’ так как в случае глаголов неконтролируемой перцепции, предметы и ситуации, как бы, сами попадают в зрительное поле говорящего, не фокусирующего на них свое внимание — отсюда меньшая вероятность проявления семантики процессности либо длительности в описании наблюдаемой ситуации в предложениях с глаголами нецеленаправленного восприятия. Подобную ситуацию наблюдаем и в других славянских языках, см. (27). Если оба предиката в предложении с глаголом целенаправленного восприятия — модусный и внутренний, имеют форму наст. вр., речь идет о настоящем актуальном:

(25) *Гледам КАКО киша пада* — ‘Я смотрю, как идет дождь.’

(26) *Слушам КАКО девојка свира* — ‘Я слушаю, как девушка поет.’

(27) (укр.) *Я чую, ЯК воно дихає, зітхає, як неспокійно калатає його серце і б’ється живчик.* (Михайло Коцюбинський. *Цвіт яблуні*)
 ‘Я слышу, как оно дышит, вздыхает, как беспокойно колотится его сердце и бьется пульс.’

Сербские конструкции с союзом *КАКО* ‘как’ (см. 25–26), отличаются от соответствующих восточнославянских (27) тем, что их можно преобразовать в предложения, в которых субъект внутреннего предиката переходит на позицию объекта модусного предиката:

(28) *Гледам КАКО киша пада.* → *Гледам кишу КАКО пада.*

$P_1 \text{ conj } S \quad P_2 \rightarrow P_1 \text{ Obj conj } P_2$
 ‘Я смотрю, как идет дождь.’ → *‘Я смотрю дождь, как идет.’

(29) *Слушам КАКО девојка свира.* → *Слушам девојку КАКО свира.*

‘Я слушаю, как девушка играет.’ → *‘Я слушаю девушку, как играет.’

В сербском языке такая транспозиция возможна и в конструкциях с союзом *ДОК* ‘пока’ (30), но она абсолютно недопустима в предложениях с союзом *ДА* ‘что’ (31):

(30) *Посматрам ДОК људи пролазе улицом* → *Посматрам људе ДОК пролазе улицом.*

‘Я наблюдаю, как люди идут по улице.’ → *‘Я наблюдаю людей, когда идут по улице.’

(31) *Видим ДА девојка прелази улицу* → **Видим девојку ДА прелази улицу.*

‘Я вижу, что девушка переходит улицу.’ → *‘Я вижу девушку, что переходит улицу.’

Полученные вследствие трансформации конструкции с союзами *КАКО* ‘как’ и *ДОК* ‘пока,’ фокусирующие внимание на субъекте наблюдаемой ситуации, типичны для южно- и западнославянских языков (нпр. чешского, см. 32), но не характерны для восточнославянских (см. отмеченные звездочкой переводы примеров 30–31).

(32) *Diváci viděli, JAK herci nastupují na scénu.* → *Diváci viděli herce, JAK nastupují na scénu.*

$S_1 \quad P_1 \text{ conj } S_2 \quad P_2 \quad \rightarrow \quad S_1 \quad P_1 \text{ Obj conj } P_2$

‘Зрители видели, как актеры выходят на сцену.’ → *‘Зрители видели актеров, как выходят на сцену.’

7. Синтаксические показатели инференциальной и ренарративной эвиденциальности в сербском и других славянских языках

Неотмеченный сербский союз *ДА* ‘что,’ вводящий придаточное изъяснительное в предложение с глаголом зрительного восприятия, указывает на «модус ментального плана» (Арутюнова 1992: 120), т.е. на логическую операцию как источник сообщаемого факта:

- (33) *Видим ДА људи овде воле кошарку* (ГЛ, 26.11.2009).
‘Я вижу, что люди здесь любят баскетбол.’

Аналогичные союзы употребляются в соответствующих конструкциях, имплицитующих инференциальную эвиденциальность, и в других славянских языках:

- (34) *Он уже видел [...], ЧТО ничего не может выйти из того, что он намерен был сказать, но ему все-таки нужно было, чтоб она сама разуверила его* (Л. Толстой)
- (35) *Я бачу, ЩО ви вже вмієте реставрувати пам’ятки такого рівня.*
[Щоденний Львів, 01.08.2005]
‘Я вижу, что вы уже умеете реставрировать памятники такого уровня.’

Во всех приведенных примерах (33–35) глагол зрительного восприятия обозначает мыслительную операцию, основанную на первосигнальной информации, т.е. речь идет об инференциальной эвиденциальности, о чем сигнализирует подчинительный союз *ДА* ‘что.’

К примерам инференциальной эвиденциальности в сербском языке принадлежат и конструкции с двувидовыми глаголами восприятия и союзом *КАКО* ‘как,’ если в таких высказываниях речь идет о результате озарения:

(36) *Мајиловчанка која прориче будућност гледањем у пасуљ и зрна кафе испричала је полицији да је „видела“: како су Марина А. и двојица мушкараца одвели Ђорђа А. у шуму у атару села (Курир 7.08.2010).*

‘Женщина, предсказывающая будущее гаданием на бобах и кофейной гуще, рассказала полиции, что «видела», как Марина А. и двое мужчин увели Ђорђа А. в лес в окрестностях села.’

Заметим, что при пересказе снов, откровений и т.п., которые Р.О. Якобсон зачислил к так называемой ревелативной эвиденциальности (*revelative evidence*, Jakobson 1971: 135), сербский союз *КАКО* ‘как,’ как правило, отсылает к первосигнальной информации, а союз *ДА* ‘что’ — преимущественно, ко второсигнальной, умозаключительной, как в приведенных ниже примерах:

(37) *Ја сам сањала КАКО се гледам у одледало ... (www.sanovnik.rs).*

‘Мне снилось, будто/что я смотрю в зеркало...’ (Говорящий мысленно переносится в сон, пересказывает его с позиции спящего сновидящего.)

(38) *Сањала сам ДА ми фали цела горња вилица, а у ствари имам само један кутњак десни, баш ме брине овај сан, јер сањати зубе није добро, знам из искуства (www.sanovnik.rs).*

‘Мне снилось, будто/что у меня нет целой верхней челюсти, а один только коренной зуб справа, очень меня беспокоит этот сон, когда сняты зубы — не к добру, по собственному опыту знаю.’ (Говорящий пересказывает сон с позиции временной дистанции, анализируя его при этом.)

В первом примере (37) союз *КАКО* ‘как’ создает эффект непосредственного развертывания сна перед глазами, тогда как во втором примере с союзом *ДА* ‘что’ (38) сон пересказывается с дистанции воспоминания, что позволяет построить высказывание на реконструкции увиденного, т.е. источником информации в данном случае является логическая операция, сопровождаемая соответствующей интерпретацией увиденного, о чем свидетельствует вторая часть пред-

ложения. Примеры (37–38) подтверждают, что союз *ДА* в сербском языке является одним из показателей инференциальной эвиденциальности, в отличие от союза *КАКО*, имплицитующего непосредственную наблюдаемость ситуации говорящим. Для восточнославянских языков такое противопоставление союзов в данном контексте нетипично (см. перевод примеров 37–38).

8. Конструкции *МОРА* + *ДА* в сербском языке

Неиндикативные наклонения и модальные слова либо конструкции во многих языках мира развивают значения, которые можно объяснить эвиденциальными экстензиями (Aikhenvald 2004: 106–111). В сербском и других славянских языках эвиденциальное значение может передаваться и с помощью модальных глаголов. В таком плане сербский модальный глагол *морати* в безличном предложении с союзом *да* — *мора да* ‘должно быть,’ можно считать показателем инференциальной эвиденциальности:

(39) *Мора да су већ отпутовали.* — ‘Должно быть, уехали.’

Данное употребление глагола *морати* в сербском языке Предраг Пипер называет *неаподиктично персуазивно* (Пипер 1983: 168), т.е. подобная конструкция (39) является способом некатегорического убеждения собеседника в истинности пропозиции. Такое употребление глагола *морати* необходимо отличать от *дезидеративного* (*loc.cit.*), выражающего желание говорящего, которое реализуется в модальных конструкциях с дополнением *да* + *презент*:

(40) *Мораш да идеш.* — ‘Тебе нужно идти.’

С точки зрения указания на источник информации в примере (39) речь идет об инференциальной эвиденциальности при наложении эпистемического значения неуверенности. Лексико-синтаксический маркер *мора да* ‘должно быть’ в данном предложении можно заменить другими эвиденциалами из разряда инференциальных показателей — *изгледа* ‘кажется,’ *сигурно* ‘очевидно’ и пр. Пе-

речисленные эвиденциалы подчеркивают факт того, что источником информации является логический вывод говорящего, сделанный на основании симптомов, доступных ему путем непосредственного восприятия:

(41) *Мора да/изгледа ми да/ сигурно су већ отпутовали. (Нема кола у дворишту).*

‘Должно быть/ мне кажется/ очевидно, они уже уехали. (Машины нет во дворе).’

(42) *Мора да/изгледа ми да/сигурно је професор на часу. (Време је за предавање, професор није у кабинету, на чивилуку виси његов капут).*

‘Должно быть/ мне кажется/ очевидно, профессор на лекции. (Сейчас время лекции, профессора нет в кабинете, а на вешалке висит его пальто).’

В болгарском языке в подобном контексте также возможно употребление лексико-семантических показателей инференциальной эвиденциальности, каковыми являются конструкции с модальными глаголами *може* и *трябва*:

(43) *Може да се е уснал* (Малцијева 2009: 119) ‘Наверно, проспал.’

(44) *Трябва да беше закъснял* (Ibid.) ‘Должно быть, опоздал.’

В русском языке аналогом вышеприведенных лексико-семантических показателей является модальная конструкция *должно быть*, с помощью которой переведены данные примеры (см. 40–44).

С другой стороны, в украинском и польском языках конструкции с глаголами из группы *habere* (*мати/mieć*) и инфинитивом указывают на ренарративность:

(45) *Оксана мала казати, що вона не збирається туди йти.*

‘Оксана (эвид.) сказала, что она не собирается туда идти. (Но я этого не слышала).’

(46) *Policja szuka kierowcy, który w Cisownicy na Podbeskidziu potracił 9-letniego chłopca. Zaraz po wypadku miał powiedzieć matce dziecka: «spieszę się do pracy».*

‘Полиция разыскивает водителя, сбившего в деревне Цисовница на Подбескидье 9-летнего мальчика. Сразу же после наезда (эвид.) он заявил матери ребенка: «Я спешу на работу». (По словам очевидцев.)’

Вышеприведенные примеры (см. 39, 41–46) позволяют сделать вывод о том, что конструкции с модальными глаголами являются типичным показателем инференциальной эвиденциальности в славянских языках.

9. Союз ДА как показатель ренарратива

Как уже было отмечено в настоящей статье, сербские союзы *ДА* и *КАКО* вводят придаточное изъяснительное. Союз *КАКО* после глаголов восприятия указывает на актуальную длительность ситуации, в этом плане он отмечен по сравнению с союзом *ДА* (см. раздел 6). С другой стороны, после предикатов слухового восприятия союз *ДА* в сербском языке, подобно аналогичным союзам в других славянских языках, указывает на ренарративность, см. (47–49):

(47) *Čujem da se karte za moj koncert odlično prodaju* (Svet, 11.10.2009).

‘Я слышал, что билеты на мой концерт отлично продаются.’

(48) (укр.) Тепер я *чую, що* він паралельно злигався із БЮТОм. (Правда, 18.09.2009).

‘Теперь я слышу, что он паралельно связался с БЮТОм.’

(49) (чеш.) Soused *Slyšel, že* mi ukradli auto.

‘Сосед слышал, что у меня угнали машину.’

Неотмеченный сербский союз *ДА* может указывать на ренарративную либо инференциальную эвиденциальность, в зависимости от семантики модусного предиката восприятия, см. (33, 47), в

то время как союз *КАКО* имплицитно подразумевает наблюдаемость сообщаемого факта, см. (25–26).

10. Номинализации на позиции субъекта предложения

Номинализации могут рассматриваться в качестве показателя прямой засвидетельствованности, если они заполняют в предложении позицию субъекта. В таком случае важно, являются ли они полными либо неполными. Исходя из типологии З. Вендлера, Н.Д. Арутюнова относит к полным номинализациям отглагольные и отагдъективные процессные имена существительные, обладающие темпоральной экстензией, нпр. *открытие, праздник* и пр., в то время как неполные номинализации представлены сложноподчиненными конструкциями с коррелятивным комплексом *ТО, ЧТО*. В сербском языке существует два коррелятивных комплекса, соответствующих русскому *ТО, ЧТО*. Таковыми являются *ТО ШТО* и *ТО ДА*.

Исследователи пришли к выводу, что союз *ШТО* в неполных номинализациях в сербском языке является показателем фактивности пропозиции, в то время как союз *ДА* свидетельствует о ее нефактивности (Ружич 2006 I: 207–208). Однако разница между ними может быть интерпретирована и с учетом наличия либо отсутствия определенного эвиденциального значения, о чем пойдет речь дальше.

Неполным номинализациям присуща процессная экстензия и событийное значение, напр.: *Приятный запах роз известен всем*. В то время как неполные номинализации отличаются нефактивным значением: *То, что розы приятно пахнут, известно всем*. «Сравнив приведенные примеры, можно убедиться в том, что полная номинализация относится непосредственно к реалиям, а неполная — к суждениям о реалиях, — пишет Н.Д. Арутюнова (1988: 103–104), — Это различие имплицитно подразумевает и разницу в значении предиката. В первом примере *известен* значит ‘эмпирически знаком’ и предполагает погружение человека в мир роз. Во втором примере *известно* допускает любой источник знания, в том числе минующий прямой контакт с розами».

Таким образом, полные номинализации, см. (50), имплицитно «погружение» говорящего в действительность, а тем самым — засвидетельствованность сообщаемого, в отличие от пропозитивных номинализаций, см. (51–52), допускающих посредственный источник информации. Таким источником может быть логический вывод либо другое сообщение. В сербском языке, в отличие от восточнославянских, существуют показатели фактивности/нефактивности пропозиции и в предложениях с пропозитивными номинализациями — союз *ШТО* указывает на фактивность (51), тогда как союз *ДА* — на нефактивность (52):

(50) Твоја *нервоза* прелази на мене. (наблюдаемость⁺)

‘Твоя раздражительность передается мне.’

(51) То *ШТО* си *нервозан* указује на премор. (фактивность⁺, наблюдаемость^{+/•})

‘То, что ты нервничаешь, свидетельствует об усталости.’

(52) То *ДА* си *нервозан* није истина // Није истина да си *нервозан*. Иако тврдиш да јеси. (контрфактивность⁺, ренарративность⁺)

‘То, что ты нервничаешь, это неправда// Неправда, что ты нервничаешь. Хотя ты утверждаешь, что это так.’

Омеченность вышеприведенных примеров (51, 52) не только в отношении выражения фактивности/нефактивности/контрфактивности, но и по другим параметрам, подтверждает, что выбор между употреблением полной либо неполной номинализации, а в случае последней — между разными союзами, присоединяющими пропозитивную номинализацию, зависит и от эвиденциальной стратегии.

То, что ренарративность имплицитно подразумевает нефактивность пропозиции, подтверждают примеры из тех славянских языков, в которых последняя выражается с помощью морфологических показателей. Димка Сааведра в работе, посвященной семантическому моделированию категории «фактивность» в болгарском языке, говоря о том что для болгарского языка характерна грамматическая категория преисказного наклонения, имплицитно ренарративность,

утверждает: «Вместе со своим главным значением преисказное наклонение всегда выражает либо нефактивность, которая выводится из его главного значения (ср. „*Казват, че Петър доишъл / но аз не съм сигурен*“), либо контрфактивность (ср. „*Тя го излъга, че не била излизала*“ — „*Тя е излизала*“»)» (Сааведра 1991: 228).

В сербском языке союз *ДА* в предложении с неполной номинализацией на позиции субъекта указывает на нефактивность либо контрфактивность пропозиции и одновременно отсылает к другому высказыванию, послужившему источником сообщаемой информации, см. (53), в то время как фактивный союз *ШТО* имплицитно «ассимилированность» сообщаемого факта в сознании говорящего, что делает высказывание отмеченным в отношении показателя «конфирмативность⁺»:

(53) *То ДА је он написао књигу знам и ја* (Грицкат 1952: 201). (нефактивность⁺; ренарративность⁺)

‘То, что он написал книгу, известно и мне.’

(54) *То ШТО је он написао књигу не мења моје намере* (Ibid.). (фактивность⁺, конфирмативность⁺)

‘То, что он написал книгу, не влияет на мои намерения.’

В примере (53) союз *ДА* имплицитно указывает, что говорящий мог узнать от кого-то о том, что *NN* написал книгу, тогда как в пропозиции с союзом *ШТО*, см. (54) посредственно подтверждается факт, что *NN* написал книгу. Заметим, что союз *ШТО*, в отличие от союза *ДА*, нельзя употребить в предложении с контрфактивной пропозицией, ср. (55–56):

(55) *То ДА је он написао књигу није истина.*

‘То, что он написал книгу, это неправда.’

(56) **То ШТО је он написао књигу није истина.*

В русском языке сербскому фактивному союзу *ШТО* всегда соответствует союз *ЧТО*, в то время как нефактивному союзу *ДА* в

том же контексте могут соответствовать союзы *БУДТО (БЫ), ЯКО-БЫ* и пр. типичные показатели ренарратива, ср.:

(57) [...] *то, ЧТО весь наш город врет, БУДТО БЫ* учился у него, *это правда* (А. Дмитриев)

В приведенном примере (57) союз *ЧТО* вводит придаточное, имплицитное фактивное и конфирмативное, на что указывает существительное *правда*, в качестве именной части сказуемого, в то время как союз *БУДТО БЫ* вводит контрфактивное придаточное, подчиненное оценочному глаголу *врать*, но, одновременно, и на ренарративность и эпистемическую дистанцию говорящего относительно сообщаемого.

Полные номинализации в функции субъекта блокируют употребление эпистемических маркеров, в то время как показатели эпистемической дистанции ожидаемы в высказываниях с неполными номинализациями. Однако в сербском языке маркеры эпистемической дистанции логичны только при наличии нефактивного союза *ДА*, а в конструкциях с фактивным союзом *ШТО* не употребляются, ср.:

(58) *Каињење* воза нас је спречило да стигнемо на време.
'Опоздание поезда помешало нам прибыть вовремя.'

(59) **Каињење* воза није сигурно/сигурно.
*‘Опоздание поезда мало вероятно/вероятно.’

(60) *То ДА ће воз закаснити* није сигурно.
'То, что поезд опоздает — мало вероятно.'

(61) **То ШТО ће воз закаснити* није сигурно.

Вышеприведенные примеры подтверждают предположение о наличии эвиденциальных значений в предложениях с номинализациями на позиции субъекта, а также о зависимости подчинительных союзов *ДА* и *ШТО* от эвиденциальной стратегии говорящего.

11. Конструкции с квазипассивными глаголами

Конструкции с квазипассивными глаголами референциальной семантики (рус. *считается, называется, зовется, расценивается, кажется, представляется* и пр.). (Козинцева 2007: 96), именуемые в сербской лингвистике „обезличени предикатски изрази са морфемом *се*“ (Ружић 2006 II: 114), в принципе указывают на ренарративность. Глаголы *звати се* ‘называться’; *крстити се* ‘называться’; *сматрати се* ‘считаться’; *веровати се* ‘почитаться’; *држати се* ‘полагаться’; *ценити се* ‘расцениваться’; *знати се* ‘известно’; *представљати се* ‘представляться’; *приказивати се* ‘изображаться’; *испостављати се* ‘оказываться’; *предвиђати се* ‘предполагаться’; *јављати се* ‘сообщаться’; *објавити се* ‘передаваться’; *говорити се* ‘говорить’; *причати се* ‘говорить’; *сазнати се* ‘стать известным (о слухах)’; *приметити се* ‘замечаться’ и пр. в качестве модусных предикатов указывают на факт получения информации из неопределенного либо обобщенного источник:

- (62) *Сматра се да је то површина критика;*
 ‘Считается, что это поверхностная критика.’

В сербском языке такие конструкции весьма распространенные (Ружић 2006 II: 114), в восточнославянских языках им зачастую соответствуют неопределенно-личные предложения, см. (63–64), а сербские глаголы с семантикой информирования (*прича се, јавља се, говорка се* и пр.) не имеют квазипассивных аналогов в данных языках:

- (63) *Јавља се да они кују заверу.*
 ‘Говорят, что они готовят покушение.’

- (64) *Говоркало се да је застала између два света;*
 (укр.) ‘Подейкували, що вона зависла між двома світами.’

Обобщению информации, сообщаемой с помощью квазипассивов в сербском и других славянских языках, способствуют универсальные квантификаторы типа *обично* ‘обычно’; *свуда* ‘везде’ и пр.:

(65) *Обично се узима да су то оне душевне особине које припадају појединим народима* (Ружић 2006 II, 114).

‘Обычно считается, что это те душевные свойства, которые принадлежат некоторым народам.’

(66) *Свуда се говорило да је слободно хришћанима да добију такву земљу* (Ibid.).

‘Всюду говорили, что христианам разрешили получить такую землю.’

Некоторые сербские квазипассивы, нпр. *зна се* ‘всем известно,’ допускают манипулирование информацией — навязывание личной оценки говорящего под маской существования соответствующего распространенного мнения:

(67) *Зна се да она није способна ни сто после јела да распреми.*

‘Всем известно, что она не в состоянии убрать после себя со стола.’

12. Заключение

Эвиденциальность в сербском языке выражается многочисленными лексическими средствами — с помощью соответствующих вводных слов и конструкций, модальных глаголов, квазипассивных глаголов и пр., а также на грамматическом уровне — посредством слов-морфем синтаксического уровня — союзов, определяющих значение синтаксических конструкций и неполных номинализаций.

В качестве языковых средств, соединяющих в себе основное грамматическое значение с эвиденциальными обертонами выделяются:

- изъяснительный союз *ДА* при предикатах слухового восприятия, имплицитный ренарративность;

- изъяснительный союз *ДА* при предикатах зрительного восприятия, указывающий на инференциальную эвиденциальность;

- изъяснительный союз *КАКО* при предикатах восприятия, имплицитный факт наблюдаемости сообщаемого говорящим;
- полные номинализации, отмеченные показателем наблюдаемость⁺;
- фактивный союз *ШТО* при неполных номинализациях на позиции субъекта предложения, имплицитный конфирмативность;
- нефактивный союз *ДА* при неполных номинализациях, указывающий на ренарративность.

Лексические средства выражения эвиденциальности в сербском языке разнообразны. Вводные слова и конструкции в качестве показателей инференциальной эвиденциальности часто соединяют в себе эвиденциальное значение с эпистемическим. Лексические показатели ренарратива могут иметь эпистемические обертоны только в том случае, когда в высказывании указан источник информации.

Литература

- Арутюнова Нина Д. 1988. *Типы языковых значений: оценка, событие, факт*. Москва: Наука.
- Арутюнова Нина Д. 1992. «Диалогическая модальность в языке и явление цитации».
- Булыгина Т.В. (ред.). *Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис*. Москва.
- Грицкат Ирена. 1952. „О једном случају мешања свеза ДА и ШТО“. *Наш језик* III/5–6: 196–207.
- Грицкат Ирена. 1954. *О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама*. Београд: САНУ Институт за српски језик. Посебна издања књ. ССXXXIII.
- Козинцева Наталиа А. 1994. «Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)». *Вопросы языкознания* 3: 92–104.
- Козинцева Наталиа А. 2007. «Теоретические проблемы эвиденциальности». Храковский В.С. (ред.). *Эвиденциальность в языках Европы и Азии (Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой)*. Санкт-Петербург: Наука, 11–103.
- Куцаров Иван. 1976. „Преисказните форми в съвременни книжовен български език и съответствията в полски език“. *Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици* 2: 56–64.

- Куцаров Иван. 1978а. „Преисказни модификатори в западните славянски езици“. *Съпоставително езикознание* 6: 47–54.
- Куцаров Иван. 1978б. „Функционално-семантички полета на категорията преисказност в славянските езици“. *Славянска филология* т.15. София: БАН, 391–401.
- Куцаров Иван. 1984. *Преисказването в българския език*. София: Народна просвета.
- Макарцев Максим М. 2014. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. Москва, Санкт-Петербург: Институт славяноведения РАН, Нестор-История.
- Пипер Предраг. 1983. „Синонимије и конверзије с глаголом МОРАТИ“. *Научни састанак слависта у Вукове дане XII/1*: 167–181.
- Пипер Предраг, Клајн Иван. 2013. *Нормативна граматика српског језика*. Нови Сад: Матица српска.
- Поповић Људмила. 2000. *Епистоларни дискурс украјинског и српског језика*. Београд: Филолошки факултет.
- Поповић Људмила. 2010. „Категорија евиденцијалности у српском и украјинском језику“. *Зборник Матице српске за славистику* 77: 17–47.
- Поповић Људмила. 2012. *Контрастивна граматика украјинског и српског језика: таксис и евиденцијалност*. Београд: САНУ.
- Ристић Стана. 2009. *Модификација значења и лексички модификатори у српском језику*. Београд: Институт за српски језик САНУ. Монографије 10.
- Ружић Владислава. 2006. *Допунске реченице у савременом српском језику (I/II)*. Пос. отисак. Нови Сад: Матица српска.
- Сааведра Димка. 1991. „Семантичко моделирање категорије „фактивност“. *Научни састанак слависта у Вукове дане XX/2*: 221–231.
- Танасић Срето. 2005. „Синтакса глагола“. Ивић Милка (ред.). *Синтакса савременог српског језика, Проста реченица*. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска, 345–469.
- Храковский Виктор С. 2005. «Эвиденциальность и эпистемическая модальность». Hansen В., Karlik P. (eds.). *Modality in Slavonic Languages (New Perspective) / Slavolinguistica* 6. München: Sagner, 87–94.
- Храковский Виктор С. (ред.). 2007. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии (Сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой)*. Санкт-Петербург: Наука.
- Храковский Виктор С. 2007. «Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность». Храковский В.С. (ред.). *Эвиденциальность в языках Европы и Азии (Сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой)*. Санкт-Петербург: Наука, 600–631.

- Aikhenvald Alexandra Y., Dixon Robert M.W. (eds.). 2003. *Studies in Evidentiality*. Philadelphia: John Benjamins.
- Aikhenvald Alexandra Y. 2004. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- van der Auwera Johan, Plungian Vladimir A. 1998. "Modality's semantic map." *Linguistic typology* 2: 79–124.
- Barentsen Adrian. 1996. "Shifting Points of Orientation in Modern Russian: Tense Selection in 'Reported Perception'." Janssen T., van der Wurff W. (eds.). *Reported Speech: Forms and Functions of the Verb*. Amsterdam: John Benjamins, 15–55.
- Diewald Gabriele, Smirnova Elena. 2010. *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Berlin-New York: de Gruyter, Mouton.
- Friedman Victor A. 1986. "Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian." Nichols J., Chafe W. (eds.). *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood New Jersey: Ablex.
- Friedman Victor A. 2003. "Evidentiality in the Balkans with Special Attention to Macedonian and Albanian." Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). *Studies in Evidentiality*. Philadelphia: John Benjamins, 189–218.
- Givon Talmy. 1982. "Evidentiality and Epistemic Space." *Studies in Language* 6 (1): 23–49.
- Jakobson Roman. 1948/1971. "Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb." *Selected Writings II, Word and Language*. Hague-Paris: Mouton.
- Korytkowska Małgorzata. 1999. „Imperceptywność i jej przejawy w zdaniach złożonych w języku polskim i bułgarskim“. Greń Z., Koseska-Toszewa V. (eds.). *Semantyka a konfrontacja językowa 2*. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 165–173.
- Korytkowska Małgorzata, Koseska-Toszewa Violetta. 1993. „Problematyki modalności imperceptywnej“. Koseska-Toszewa V., Korytkowska M. (eds.). *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie V–VI: Konfrontacja językowa. Słowotwórstwo. Wybrane kategorie semantyczne*. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 177–191.
- Korytkowska Małgorzata, Roszko Roman. 1993. *Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska t. 2, cz. 6: Modalność imperceptywna*. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Koseska-Toszewa Violetta, Mindak Jolanta. 1984. „O dwóch kategoriach modalnych w języku bułgarskim, polskim i serbo-chorwackim“. *Studia konfrontatywne polsko-południowo-słowiańskie*. Wrocław, 75–102.
- Koseska-Toszewa Violetta, Kotsyba Natalia. 2007. "About Imperceptivity in Bulgarian, Polish and Ukrainian." *Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології. MEGALING —2006*. Київ, 162–175.

- Koseska-Toszewa Violetta, Kotsyba Natalia. 2008. "What is Imperceptive Modality." *Cognitive Studies* 8: 139–157.
- Lazard Gilbert. 1999. "Mirativity, Evidentiality, Mediativity or Other." *Linguistic Typology* 3: 91–109.
- Lazard Gilbert. 2001. "On the Grammaticalization of Evidentiality." *Journal of Pragmatics* 33: 359–367.
- Mushin Ilana. 2001. *Evidentiality and Epistemological Stance*. Amsterdam, Philadelphia: JB.
- Palmer Frank. 1986. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Popović Ljudmila. 1996. „Imperceptivnost u epistolarnom diskursu ukrajinskog i srpskog jezika“. *Konfrontativna jezička istraživanja*. Novi Sad: Filozofski fakultet, 213–218.
- Plungian Vladimir A. 2001. "The Place of Evidentiality within the Universal Grammatical Space." *Journal of Pragmatics* 33: 349–357.
- Roszek Roman. 1993. *Wykładowi modalności imperceptywnej w języku polskim i litewskim*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Wiemer Björn. 2005. "Conceptual Affinities and Diachronic Relationships between Epistemic, Inferential and Quotative Functions (Preliminary Observations on Lexical Markers in Russian, Polish and Lithuanian)." Hansen B., Karlik P. (eds.). *Modality in Slavonic Languages (New Perspective)/ Slavolinguistica 6*. München: Sagner, 107–131.
- Wiemer Björn. 2006. "Grammatical Evidentiality in Lithuanian (A Typological Assessment)." *Baltistica* 41/1: 33–49.
- Wiemer Björn. 2006a. "Particles, Parentheticals, Conjunctions and Prepositions as Evidentiality Markers in Contemporary Polish (A First Exploratory Study)." *Studies in Polish Linguistics* 3: 5–67.
- Wiemer Björn. 2006b. «Косвенная засвидетельствованность в литовском языке». Храковский В.С. (ред.). *Эвиденциальность в языках Европы и Азии (Сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой)*. Санкт-Петербург: Наука, 197–240.
- Wiemer Björn. 2010. "Hearsay in European Languages: Toward an Integrative Account of Grammatical and Lexical Marking." Diewald G., Smirnova E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Berlin-New York: Walter de Gruyter. Mouton, 59–130.
- Willet Thomas. 1988. "A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality." *Studies in Language* 12: 51–97.

Ljudmila Popović

Lexical and Grammatical Evidentiality Markers in Serbian and Other Slavic Languages

Summary

Evidentiality in Serbian is predominantly expressed lexically—by appropriate parenthesis or explanatory constructions, modal verbs, quasipassive verbs etc., but also by grammatical words/morphemes—subordinating conjunctions, which determine meaning of the construction, nominalizations and other linguistic structures. The analysis of evidentials in Serbian leads to the conclusion that the Serbian language in the case of evidentiality has an intermediary position between Balkan Slavic and other Slavic languages.

Linguistic structures that combine basic grammatical value with evidential overtones, which stand out, are: subordinating conjunction *ДА* after predicates of auditory perception, implying reported speech; subordinating conjunction *КАКО* after predicates of perception, implying observability; full nominalizations, implying observability; factive complementizer *ШТО* in subject clause nominalizations, implying confirmative meaning; and non-factive complementizer *ДА* in subject clause nominalizations, implying confirmative meaning etc.

Lexical evidential means in Serbian vary. Parenthesis often develops inferential meaning fused with epistemic modality. Lexical markers of the reported speech develop epistemic overtones only in utterance with the explicated source of information.

Key words: Serbian, evidentiality, Slavic languages, lexical markers, grammatical markers.